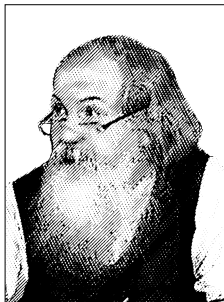

ИНТЕРЕС К НАСЛЕДИЮ А.С. МАКАРЕНКО В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ОБЩЕСТВЕННО- ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

Ричард Соколов,
руководитель
Научно-
методического
центра по
проблемам
социальной педаго-
гики Российского
института
культурологии,
кандидат
социологических
наук

О каком движении пойдёт речь?

Сразу уточним: под общественно-педагогическим движением (ОПД) мы имеем в виду самодеятельную сторону того, что называют детским движением. То, что одно время называли инициативными формами в организации детского досуга. То, что теперь изучает новая область научного знания, названная социокинетикой — «знание о деятельности взрослых в детской среде». А поскольку эта деятельность не ограничивается педагогическим пространством того, что традиционно называли детским движением (когда имели в виду пионерскую организацию и школьный комсомол с их формами работы в стенах школы и вне школы), поскольку даже в те десятилетия было и другое «воспитательное пространство» инициативной самоорганизующейся педагогической самодеятельности населения, то мы будем иметь в виду и такие феномены педагогической действительности, как «коммунарское движение», «педотрядовское движение», «движение семейно-педагогических клубов».

О каком количестве «субъектов» идёт речь? Статистики на этот счёт не существует, но, по оценке педагогов, социологов, журналистов, в 60-е годы было несколько сотен клубов юных коммунаров, в 70-е — несколько десятков коллективных участников «Коммунарского макаренковского содружества», в 80-е — несколько семейно-педагогических клубов. Все эти социально-педагогические явления, громко заявившие о себе в то или иное десятилетие, имели и имеют по настоящее время своё «последствие». Иными словами, общественно-педагогическое движение затронуло судьбы многих тысяч детей и их старших друзей.

Чуть-чуть о пионердвижении и тимуровском движении

В период деятельности А.С. Макаренко в колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского в стране возникло и бурно развивалось пионерское движение. О том, насколько лидеры пионердвижения заметили феномен Макаренко и насколько его идеи были ими использованы, говорить трудно. Легче говорить о влиянии на это движение идей С.Т. Шацкого и Н.К. Крупской.

Что касается тимуровского движения, возникшего после книги А.П. Гайдара «Тимур и его команда», то трудно предполагать, что Гайдар не читал Макаренко. И хотя мы не знаем свидетельств о влиянии Макаренко на Гайдара, в его книге (и в тимуровском движении) есть моменты, которые позволяют говорить об идейном родстве этих «подвижников соцвоса».

О коммунарском движении

Не случайно инициатор и основатель коммунарского движения ленинградский учёный и педагог-новатор И.П. Иванов на рубеже 50–60-х годов, говоря об идейных истоках того, что было позже названо коммунарской методикой, ссылаясь как на Макаренко, так и на Гайдара.

Макаренковская мысль о том, что в основании воспитания должны лежать не «труд-работа», а «труд-забота» и опыт проявления заботы детьми об окружающих людях, накопленный тимуровским движением, у И.П. Иванова соединились в идее (а позже в концепции и методике), получившей название «коллективная творческая деятельность» (КТД).

В годы, когда опыт «школ-хозяйств» многим казался уже далёким прошлым, когда заботиться «об улучшении окружающей жизни» через тимуровские операции и коллективные творческие дела оказалось более

доступным, нежели организовать «детхоз», «школу-хозяйство», этот подход оказался продуктивным. В результате то, что было создано под названиями «Коммуна юных фрунзенцев» (КЮФ) в 1959 г. в Ленинграде и «Клубы юных коммунар» (КЮК) с 1962 г. во многих городах страны, оказалось не

очень похожим на колонию и коммуны А.С. Макаренко. Как заметил Валерий Хилтунен, «пышная крона без экономического ствола». В некотором смысле это была игра по мотивам воспитательной системы А.С. Макаренко. Известный в начале века поборник воспитания коллективизма и альтруизма, известный деятель скаутского движения и родоначальник пионердвижения И.Н. Жуков, вероятно, назвал бы жизнедеятельность КЮФ и её последователей «длительной игрой». Так он называл жизнедеятельность объединений скаутов и первых пионерских сообществ. Заметим, что игра КЮФ продолжалась 12 лет. Некоторые клубы юных коммунар дожили до 15 и 20 лет. А коммунарское объединение «Архангельский городской штаб школьников» (АГШШ) отметил осенью 2001 г. своё 40-летие межрегиональной конференцией.

Игра и в самом деле оказалась длительной. Вполне соизмеримой с периодом

макаренковских колонии и коммуны. И за слуга И.П. Иванова с его сподвижниками в том, что они сумели некоторые элементы педагогической системы А.С. Макаренко «адаптировать» к условиям наличного бытия своего времени и сделать «демонстрационную версию», да к тому же «играбельную», т.е. доступную для многократного «проигрывания» (воспроизведения). И не только педагогами, но и подростками. Известно, что коммунарские объединения иногда создавались не педагогами и даже вообще не взрослыми (рабочими, служащими), а самими старшеклассниками. Как, впрочем, это было до того в тимуровском движении. В отношении «играбельности» коммунарство Иванова очень похоже на скаутинг, на тимуровство. Можно сказать, ещё один вариант «длительной игры» для подростков и юношества. Вариант, как показало время, по продолжительности его популярности вполне соизмеримый с «тимуровством».

Какие «макаренковские» элементы входили в «длительные игры» коммунаров?

Прежде всего, воспитательный коллектив как живой социальный организм. С постоянными и временными (сводными) отрядами. (Иногда сводные отряды создавались как «совет дела» — команда добровольцев для подготовки и проведения какой-либо конкретной акции.)

При этом, как правило, высший орган в самоуправлении — Общий сбор. Его старались проводить как можно чаще. На некоторых многодневных сборах и в лагерях труда и отдыха (ЛТО) общий сбор проводился ежедневно. Обычно — в конце дня.

Иногда высшим органом был совет командиров. Это бывало в период организации и становления коммунарского коллектива. Привился «институт» «дежкомов» (дежурных командиров). Чтобы каждый умел и командовать, и подчиняться. Дежкомы обычно избирались, иногда назначались. Бывали дежкомы отрядов (ДКО), дежкомы сбора (ДКС), дежкомы лагеря (ДКЛ) и т.д. Дежкомы выступали на общем сборе, оглашая данную на предварительном сборе своего отряда оценку дня и пожелания на будущее.

Была у коммунаров и макаренковская традиция почитания знамени коллектива с почётным караулом. На многодневных сборах и в лагерях других коммунарских объединений у знамени стоял круглосуточный почётный караул.

Известная мысль Макаренко о том, что стимул для активной деятельности коллектива — «завтрашняя радость», тоже была очень популярной у юных коммунаров. «Даёшь мажорный тон, как учит нас Антон!» — так звучал один из законов-девизов, придуманных И.П. Ивановым. Операции «Радость детям», «Радость людям», «Радость ребятам села» отличались задором и нравились и тем, кому несли радость, и тем, кто её нёс.

Что касается труда, то в коммунарских коллективах 60-х годов была традиция проводить трудовые десанты. Это могла быть акция «на пользу и радость окружающим людям», напоминающая события из книги «Тимур и его команда», но могли быть и продолжительные (до месяца и более) трудовые десанты в подшефные колхозы и на стройки. Так, например, КЮФ устраивала многодневные десанты в Ефимовский район — с жизнью в палатках, с работой на полях, с разнообразной помощью селянам — устанавливали памятники участникам Отечественной войны, проводили игры с сельской детворой. Подобные трудовые лагеря устраивали коммунары подмосковного г. Щёлково, Архангельска, Перми, Петрозаводска, Свердловска. Во многих городах такие лагеря стали традицией. Педагог из Нижнего Новгорода С.Т. Сейфи организовала и 30 лет подряд возглавляла ЛТО «Юность». Коммунары из Перми много лет устраивали ЛТО в своей области в хозяйстве конезавода, а затем отправляли большой отряд для работы на полях в Эстонию. И каждое лето у них было два многодневных трудовых десанта. Лагерь в Эстонии был своего рода «завтрашней радостью».

Несколько лет юные коммунары из клуба «Алый парус» при городском Дворце пионеров Свердловска устраивали трудовые десанты на строящейся Рефтинской ГРЭС. Летом 1964 г. состоялся массовый

трудовой десант юных коммунаров на строительстве жилых домов г. Братска. Там на целый месяц собралось около двухсот старшеклассников из двадцати коммунарских объединений страны. В те годы знаменитое движение студенческих строительных отрядов лишь зарождалось. Гостей, побывавших на том Всесоюзном коммунарском слёте, поражало многое и, в частности, то, что лагерь подготовила группа «квартирьеров»-школьников из Горловки и Гродно, которые ещё осенью приехали в Сибирь. Им удалось в таёжный лес, рядом с Братском, где расположился палаточный коммунарский лагерь, провести... электричество и даже водопровод!

Но, несмотря на удивительные примеры трудового энтузиазма юных коммунаров, это движение не поднялось до создания «детхозов», их «вырастания» во взрослые трудовые коммуны. Моя статья на эту тему «Коммунарам нужна трудовая коммуна», направленная в «Комсомольскую правду», когда газета в нескольких номерах вела дискуссию «Коммуна — слово обязывающее» (1965 г.), не была напечатана. Да и на письма коммунарам, заканчивающим школу, с предложением объединиться в какой-либо трудовой коммуне, ответили согласием единицы. В те годы В.Ф. Карманову, человеку, увлечённому идеями А.С. Макаренко, удалось создать в Москве школьный завод «Чайка». О нём много писали, но юные коммунары этого завода «не заметили». Для большинства из них коммунарство связывалось со школьным комсомолом и оставалось навсегда в романтической юности. Свою дальнейшую жизнь большинство коммунаров связывали не с трудовой деятельностью в производстве, а с учёбой в вузе. Среди бывших коммунаров много педагогов, журналистов, врачей, деятелей искусства и науки, разного рода управленцев. Организаторов производства оказалось мало.

Таким образом, «пышную крону» коммунарских форм работы, но без «экономического ствола», выдаваемую за творческое применение и творческое развитие педагогической системы Макаренко, по отношению к идеям Антона Семёновича нельзя оценить однозначно. С одной стороны, движение юных коммунаров привлекало внимание к его наследию. Идеология и технология коммунарства как упрощённого варианта педагогической системы Макаренко (замена коллектива — «детхоза», где системообразующей деятельностью был развивающийся производительный труд, на коллектив досуговой коммуны с ведущей общественно полезной деятельно-

стью, где вместо систематического развивающегося трудового процесса были лишь эпизодические трудовые десанты) позволяли создавать многочисленные коммунарские объединения, но могли ли эти объединения в воспита-

тельном отношении быть более эффективными? Между тем массовость и лёгкость воспроизведения «коммунарских результатов» создавала иллюзию развития педагогической системы Макаренко.

Всё это не могло не вносить дезориентацию в общественное сознание. У участников движения, у педагогов-исследователей, у управленцев в комсомоле, в органах просвещения возникала иллюзия, что развитие идей Макаренко (да и вообще коммунистическое воспитание) возможно без школы-хозяйства. Многим казалось, что для полноценного коммунистического воспитания юношества достаточно «трудозаботы» в формах общественно полезной деятельности (лишь с некоторыми элементами производственной деятельности в форме трудовых десантов).

И дело не столько в судьбе идей Макаренко, его наследия. И не в судьбе коммунистического воспитания. Дело в том, что «вообще воспитание» при таком понимании уже не могло быть полноценным трудовым воспитанием, а значит — полноценной подготовкой юных граждан к трудовой деятельности. Если выпускники школы не видят себя нигде, кроме как в институте, то такое воспитание не может считаться нормальным. В своё время А.С. Макаренко писал одному из воспитанников, не сумевшему поступить в институт, что это совсем не беда, главное, чтобы голова была устроена правильно.

О ДВИЖЕНИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ОТРЯДОВ

На следующей фазе «коммунарского движения» — в 70-е годы, когда в стране закончилась «оттепель» и начался застой, когда в движении юных коммунаров ощущался серьёзный кризис и инициативу перехватили педагогические отряды, объединившиеся в «Коммунарское макаренковское содружество» — КМС, интерес к наследию А.С. Макаренко стал возрастать.

В Москве вдохновителем КМС была председатель секции по изучению наследия А.С. Макаренко при Центральном совете Педагогического общества РСФСР, доцент кафедры педагогики МГПИ им. В.И. Ленина Э.С. Кузнецова, которая несколько лет еженедельно проводила у себя на квартире занятия кружка студентов и аспирантов «Макаренковские среды», редактировала выпуски одноимённого машинописного студенческого альманаха. Участники педагогических отрядов МГПИ и МЭИ (Московского энергетического института) были постоянными участниками «Макаренковских сред».

В Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена под руководством И.П. Иванова работала студенческая Коммуна им. А.С. Макаренко, которой удалось создать при педагогическом факультете Ленинградский мемориально-методический центр.

По примеру ленинградцев москвичи организовали на базе Форпоста коллективного освоения культуры им. С.Т. Шацкого Макаренковский методический центр (ММЦ). Работа над созданием этих центров, над комплектованием их фондов и «обслуживание посетителей» стимулировало молодых макаренковедов к углублённому изучению наследия А.С. Макаренко, к поиску путей реализации его идей.

В опыте педагогических отрядов 70-х годов элементы из опыта Макаренко были практически те же, что и в объединениях юных коммунаров 60-х. Но если юные коммунары любили говорить, что «в коммуне никого не воспитывают, в коммуне живут», то в движении педотрядов уже само название указывало на педагогическую предназначённость формирования и открытую педагогическую позицию взрослых. «Бойцы» педотрядов считали, что так честнее. В «скрытой» педагогической позиции они усматривали некоторую фальшь. Да и кому из педагогов удавалось надолго скрыть, что он воспитывает? Удалось ли это самому И.П. Иванову?

Коммунарские «коллективные творческие дела» в сравнении с производительным трудом макаренковских воспитанников называть «педагогикой жизни» было не просто.

Бойцы педотрядов начинали сознавать: от того, что «воспитательное мероприятие» маскировалось «коллективным творческим делом», суть дела не менялась. Забота воспитанников «об улучшении окружающей жизни» в КТД, конечно, могла присутствовать, если ребята сами планировали свою деятельность и если то или иное КТД выбиралось как проявление заботы к тем, кто в ней нуждался. Например, участники летнего лагеря-десанта узнали, что в деревне живёт одинокая старушка и что ей некому наколоть дрова. Тогда юные коммунары принимают решение ночью потихоньку унести дрова в лес, там их наколоть и так же тихо принести наколотые дрова обратно во двор к хозяйке.

Такие коллективные творческие дела — скорее романтическая игра в стиле тимуровских операций, нежели серьёзный труд. Макаренковские воспитанники тоже

любили разного рода экзотические дела, например, они могли чистить речку от накопившегося в ней хлама. Но это было дополнением к серьёзному труду и заменить его никак не могло.

Приходилось наблюдать в середине 60-х, как кто-то из лидеров клуба ЮК предлагал провести некое КТД, достав листочек с их перечнем и названием «Хаос форм». Выбор делался, мне кажется, зачастую по наитию (что называется, в лотерейном порядке). А уже потом давалось обоснование с точки зрения идеологии «педагогика общей заботы». Впрочем, большинство лидеров из известных мне в 60-е годы коммунарских объединений вообще не читали работ И.П. Иванова и о педагогике общей заботы узнали лишь много лет спустя.

Логика выбора тех или иных КТД определялась, как правило, не планами «по осуществлению заботы об окружающих людях», «об улучшении окружающей жизни». Долгосрочных программ на этот счёт у юных коммунаров, как правило, не было. Они могли, конечно, запланировать шешфские поездки в детский дом, работу летом в совхозе или на стройке, но серьёзное освоение культурной среды не планировалось. Своего «взятия Куряжа» у юных коммунаров не было. Даже «взятия детского клуба в подвале «Красного уголка» соседнего микрорайона не получалось (хотя такие попытки предпринимались в разных городах).

Логика выбора КТД зачастую определялась традицией. Во многих объединениях складывался годичный цикл традиционных КТД. В лучшем случае их выбор был связан с ситуацией, с эмоциональным настроением коллектива в данный момент. Выбирая тип КТД, лидеры стремились повлиять на его изменение в желательном направлении. Дела выбирались и строились в цепочки традиционных дел в сетку традиций прежде всего для создания, становления и сохранения этого сообщества. Старшие друзья юных коммунаров действовали подобно вожатым Всероссийского пионерского лагеря «Орлёнок», работавшим со временным коллективом и заботившимся прежде всего об эмоциональной стороне в жизни отряда.

КТД были средством превращения (согласно образам-символам костромских педагогов) «песчаной россыпи» в «вязкую глину». Редко кому удавалось даже в сравнительно постоянных объединениях коммунарлов достичь уровня мерцающего маяка и тем более горящего факела. А без достижения этих ступеней забота об окружающих людях сводится преимущественно к заботе о самих себе (о своей группе). Весь альтруизм, о котором мечтали И.Н. Жуков и А.П. Гайдар, сводился к заботе о «маленькой такой компании». Нередко в разговорах о деятельности на пользу и радость окружающим людям воспитывался групповой эгоизм.

Но иногда удавалось достичь стадии «горящий факел». Для примера можно привести факты из истории подросткового клуба «Орион» при детском секторе районного Дома культуры г. Щёлково. Правда, следует заметить, что этот клуб возник в конце 60-х годов и его идеология была не совсем традиционной для юных коммунарлов. Здесь ребята называли себя «юными культармейцами» и ориентировались во многом на «наступательную идеологию» тимуровского движения.

Воспитанники этого клуба, на втором году осознавшие себя как «юные культармейцы», стали (как и многие воспитанники коммунарловских и других «продвинутых» объединений) критически относиться к «серости» в жизни коллективов своих школ.

Но юные культармейцы не превратились в «бегунов», не замкнулись в своём коллективе, а заняли активную позицию конструктивной критики. Было решено помочь пионерским и комсомольским организациям нескольких школ районного центра в «оживлении их работы». Для этого юные культармейцы организовали при клубе «Курсы общественных профессий», где готовили (по ими же разработанным программам) отрядных пионерских вожатых, юнкорлов для школьных редколлегий, руководителей школьных радиоузлов, культургов для школьных комитетов комсомола. Клуб при Доме культуры инициативным образом стал городской школой пионерского и комсомольского актива, перехватив инициативу у пионерской и комсомольской организаций.

В районной газете клуб ежемесячно помещал страницу для старшеклассников «Юный коммунар». Через год этот же клуб организовал для летней работы с безнадзорными детьми, остающимися в городе, «Дружину юных культармейцев» из четырёх команд, которые вели работу с ребятами в четырёх микрорайонах «Зоны орионского действия».

Кстати, И.П. Иванов, узнав об этом опыте, очень высоко его оценил. Ведь он десять лет до этого создавал «Коммуну юных фрунзенцев» не как элитное формирование убежавших от школьной серости активистов, а как школу пионерского актива.

При этом он тогда не заметил, что «Орион» действовал на несколько иных основаниях, нежели были заложены в КЮФе. И.П. Иванов считал, что Макаренко зря выступил с утверждениями о том, что требования руководителя к коллективу имеют три стадии. Напомним, речь идёт о том, что на первой стадии, когда воспитанники не знают о возможных своих перспективах и не стремятся к ним, требуется фигура диктатора. На второй стадии у педагога появляются в коллективе единомышленники, возникает «актив», он может действовать через воспитанников, а на третьей стадии весь коллектив становится единомышленником педагога и ему приходится даже иногда «притормаживать» коллектив в его требованиях к своим членам. Так вот И.П. Иванов считал, что можно сразу (в считанные дни) достичь третьей стадии, ссылаясь на свой опыт. Однако в его опыте были не беспризорники и даже не простые безнадзорные, не педагогически запущенные дети, а пионерский актив, который изначально знал правила игры и принимал их. В «Орионе» был другой контингент. Достигать третьей стадии пришлось полтора-два года, проходя в развитии коллектива от «клуба вопросов и ответов» (по существу, «клуба свободного общения») через многопрофильный «клуб по общности интересов» к «объединению культармейцев». При этом, конечно, позиция педагога была динамической. Расхождение во взглядах привело к длительной принципиальной дискуссии, нашедшей отраже-

ние в научных публикациях. Ведь речь шла о том, что Макаренко называл «самой диалектической наукой», и о том, как проявляется диалектика в динамике развития коллектива и позиции его руководителя.

Оценила опыт «Ориона» и энтузиаст пропаганды макаренковского наследия Э.С. Кузнецова. Она предложила трёхлетний опыт «Ориона» кафедре педагогики МГПИ им. В.И. Ленина и комитету комсомола в качестве модели будущего экспериментального студенческого педагогического отряда. Получив «добро», она уговорила старших орионовцев создать первый студенческий педагогический отряд МГПИ на базе подшефного микрорайона. Руководитель «Ориона» стал комиссаром отряда.

Таким образом, первый «Экспериментальный студенческий педагогический отряд» (ЭСПО), положивший начало массовому движению педагогических отрядов, начался с отряда старшеклассников («Орион» расшифровывался так: «Отряд романтиков, искателей, остроумных, неунывак»). Актив этого отряда совершил педагогический десант в московский микрорайон «Лужники» (ныне Хамовнический район). Задача десанта была не только в том, чтобы помочь безнадзорной московской детворе в её нормальном взрослении, но и в том, чтобы проверить наработанную «культурмейскую методику» в условиях микрорайона большого города.

Интересно, что Э.С. Кузнецова, убеждая руководителя «Ориона» и его старших культурмейцев в нужности этого «десанта», в качестве аргумента ссылалась на опыт Макаренко, известный как «взятие Куряжа». Она говорила, что и у «Ориона» должен быть «свой Куряж», что «завоевание» нескольких московских дворов должно стать для клуба той самой «радостной перспективой», которая обеспечит «зону ближайшего развития» коллектива.

Для старших орионовцев это должно было стать новой ступенькой в их гражданской, педагогической самореализации, ступенькой к научно-педагогической деятельности.

Этот десант стал новым этапом в социальном педагогическом эксперименте, начатом в 1968 году клубом «Орион». С пе-

реходом в Москву «под крышу» МГПИ и Макаренковской секции Педагогического общества открывались возможности проведения «легальной» опытно-экспериментальной работы. На это указывало слово «экспериментальный» в названии педагогического отряда.

Как показал опыт, «построив» воспитательное общественно-государственное формирование нового типа (оно было много лет известно под названием «Форпост коллективного освоения культуры им. С.Т. Шацкого»), ЭСПО не только создал практические условия для социализации и самореализации сотен детей и подростков, но и разработал методику деятельности педагогического отряда по месту жительства детей и подростков в условиях большого города.

Это было уже настоящее «коллективное творческое дело». И к производству оно было тоже гораздо ближе. Это было своего рода «производство человека» (социальная реабилитация педагогически запущенных детей и их последующее педагогическое сопровождение в направлении, названном И.П. Ивановым как формирование юных общественников и организаторов).

Пришло время, когда и в Лужниках были созданы и «Курсы общественных профессий», и «Дружина юных культурмейцев». ЭСПО через «Форпост культуры» как через своего рода космодром «вывел на орбиту» педагогической деятельности (в том числе и профессиональными учителями в школах) целый ряд своих питомцев.

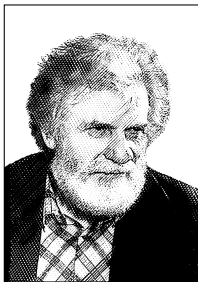
Как когда-то у Макаренко, питомцы «Форпоста» нередко становились воспитателями в этом же коллективе. Следует сказать, что кроме «производства педагогического» феномен «ЭСПО» и его «Форпост культуры» породили и ряд продуктов и другого производства — производства социального и научно-методического.

Был создан уникальный микрорайонный социально-педагогический комплекс, разработаны уникальные организационно-методические средства «прогнозного социально-педагогического проектирования средств приобщения к культуре», а также средства «педагогически целесообразной

Моральный кодекс строителей капитализма

Андрей Нуйкин,
прозаик, поэт, публицист

Недавно мне довелось выслушать трагический рассказ о грузинском предпринимателе, очень преуспевшем в московском бизнесе. Стабильные доходы, большая квартира, иномарка, множество приятелей, успех у женщин... Он буквально источал довольство жизнью и веру в разумное устройство мироздания! А потом... Потом из Тбилиси пришло сообщение — от передозировки героина умер старший сын. Спустя короткое время погиб и младший. Хозяин жизни на глазах превратился в человека с потухшим взглядом и трясущейся головой, для которого всё на свете утратило смысл. А ценности типа счёта в банке, «Форда» и любви красоток — в первую очередь...

У народов СССР большой популярностью пользовались сказки про Иванушку-дурачка, волшебную щуку или лампу Аладдина. И в самом деле — плохо ли? Прошептал заклинание, потёр медяшку — и никаких забот: по щучьему велению вот тебе дворец и красавица, которая на фотомодель тянет! Не потому ли лозунг «сказку сделать былью» ласкал нам слух чуть не столетие? Идея социализма ввела в грех именно лёгкостью и простотой. Помните, что требовалось для утверждения всеобщей справедливости? «Отобрать всё и поделить». И ничего больше!

Лозунг реализовали не полностью. Отобрать отобрали, а насчёт «поделить» замешкались.

Свалили отобранное в общую кучу, где оно и догнивало семьдесят лет, лишь партийная верхушка из того «общенародного» избытка отхватывала «по потребности». К началу девяностых наконец-то озарило россиян: ошибочка вышла! Не надо было отбирать и в кучу сваливать. Так что — кончай социализм строить, надо капитализм восстанавливать!

Так вот и оказалась победно реализованной вторая часть исторического лозунга большевиков.

перемены деятельности воспитанниками», средства создания условий для «формирования разносторонней личности».

В первые годы в «Форпосте культуры» среди пятидесяти его формирований не было ни одного кружка. Были цеха (например, фоточех, оформительский цех), отделы (например, «отдел снабжения»), были штабы (штабы по девяти направлениям коллективного освоения культуры), были «Курсы общественных профессий» и «Дружина юных культармейцев». Были советы — «Совет старших друзей» — педсовет. «Малый совет» — совет командиров «Дружины юных культармейцев». «Большой совет» — главный представительный исполнительный орган всего Форпоста культуры.

Все подразделения «Форпоста культуры» были подчинены производственной логике. Форпостовцы видели одно из своих предназначений в создании филиалов, инициации некоего движения. В их песне были такие слова: «Идеи коммуны в конкретных делах в каждый двор понесём». Это было наступление — на «педагогическую целину» московских дворов. Соответственно, все подразделения обеспечивали «культармейскую деятельность», деятельность отрядов «Дружины юных культармейцев», которые имели «зону действия» (дворы микрорайона).

«Культармейская деятельность» понималась как «освоение культуры». Освоение культуры в представлениях руководителей «Форпоста» имело две стороны. С одной стороны, освоение культуры — это «распредмечивание культуры» (приобщение всех форпостовцев к культурному наследию), а с другой — это «опредмечивание культуры» («освоение культурной среды», «освоение среды обитания») через её преобразование соответственно своим представлениям о должном. Это означало не только способность освоиться в условиях наличного бытия, но и преобразовать это наличное бытие.

В этом отношении ориентировались на опыт А.С. Макаренко. «Наличное бытие», в котором оказались в 1920 году воспитанники А.С. Макаренко, его коллеги, было детским домом для малолетних правонарушителей. Не было ни школы, ни хозяйства, ни производства. Постепенно появились хозяйство и школа. Сельскохозяйственное производство переросло в кустарное и в промышленное. Появился рабфак. Так преобразовывалось «наличное бытие», и в этом преобразовании ведущую роль играло материальное производство. Оно создавало предпосылки и условия для преобразования коллектива и личности («производства человека»). В свою очередь, новый коллектив и его субъект — новый человек были двигателями дальнейшего прогресса (развития производства, освоения среды, в котором завоевание имения Трепке в Ковалёвке и Куряжской колонии под Харьковом — лишь яркие проявления процесса, имевшего протяжённость в 18 лет). Известно, что Макаренко мечтал о «полной коммуны», о создании целого посёлка, живущего по «законам страны ФЭД». Но этим планам при жизни Макаренко и в последующие полвека сбыться было не суждено...

Ведущей деятельностью в преобразовании колонии несовершеннолетних преступников, не имевшей даже начальной школы,

в «преобразованное бытие», названное А.М. Горьким окном в коммунизм, — невиданную до того трудовую коммуну с двумя заводами и рабфаком, была трудовая деятельность.

Было и ещё одно «производство» в деятельности «Форпоста культуры». Это своего рода «социальное строительство» в среде обитания, понимаемой предельно широко. Это создание образовательного пространства, точнее воспитательного пространства в масштабах всей страны. Форпостовцы считали приоритетной деятельностью в сообществе энтузиастов, назвавшем себя «Коммунарским макаренковским содружеством» (КМС). С формальной точки зрения это были макаренковские студенческие кружки, макаренковские секции местных отделений Педагогического общества. Но на самом деле это было нечто большее. Это были ростки гражданского общества. Здесь молодые люди учились смотреть на окружающую жизнь как на предмет творческого преобразования.

На ежегодных слётах (в начале 70-х годов они имели продолжительность в десять дней и проходили обычно два раза в год) большое внимание уделялось изучению наследия А.С. Макаренко. Иногда во время слёта проходили научно-практические семинары Макаренковской секции, в которых активное участие принимали бойцы педагогических отрядов.

Летом 1973 г. слёт КМС проходил на родине А.С. Макаренко в г. Белополье, в котором приняла участие большая группа воспитанников А.С. Макаренко. На этом слёте был поставлен вопрос о невозможности полноценно использовать наследие Макаренко без серьёзной организации детского производительного труда. На эту тему выступал директор Московского школьного завода «Чайка» В.Ф. Карманов, которого активно поддержали командир калужского Экспериментального педагогического отряда студентов и старшекласников (ЭПОСС) инженер С.Г. Икрянников и комиссар московского Экспериментального студенческого отряда (ЭСПО) рабочий Р.В. Соколов.

Летом 1975 г. слёт коммунарско-макаренковского содружества проходил на борту теплохода «Евгений Преображенский», предоставленного Московским опытно-экспериментальным школьным заводом (МОЭШЗ) «Чайка».

За двадцать дней участники слёта, разбившись на несколько отрядов по разделам музея («Предшественники Макаренко», «Соратники Макаренко», «Единомышленники Макаренко», «Последователи Макаренко»), подбирали материалы для стендов, печатали фотоснимки в фотолаборатории, оборудованной прямо на теплоходе, «защищали» свои композиции, оформляли стенды. Ежедневно несколько часов все участники слёта в полном смысле слова трудились над экспозицией. И у этого труда был вполне ощутимый «материальный продукт». В день возвращения теплохода в Москву стенды погрузили в заводской грузовик и в тот же день на заводе «Чайка» состоялось торжественное открытие экспозиции. Работа сводного отряда молодых макаренковцев из разных уголков страны в течение трёх недель над этой экспозицией была настоящим коллективным творческим делом. Таким, которое одновременно являлось и произ-

Правда, с огромным разрывом во времени: отобрали-то в начале века, а разделить удалось только в конце, да и то на скорую руку. Ну, а дальше что? Дальше вроде ничего и не надо. Зачем напрягаться, голову ломать, руки мозолить? Мировой опыт ведь доказал, что частная собственность — залог здоровой экономики, гарант демократии. Вот и пусть наша только что объявленная частная собственность сама ведёт нас к всеобщему благополучию...

Увы, довольно быстро выяснилось, что самотёком процветание не приходит. И развитые страны, на которые мы смотрим то с завистью, то с ненавистью, своё нынешнее благополучие выстрадали в тяжких трудах. Они-то свой капитализм чуть не полтысячи лет строили! И отнюдь не благостным был этот процесс. Рождался он (тут с Марксом не поспоришь), действительно «кислая кровь и грязь из всех своих пор». Но за пройденные с тех пор в заботах и исканиях столетия был накоплен бесценный опыт действительно рыночных и достаточно демократических отношений в обществе — найдены и опробованы формы, механизмы и правовые нормы государственного устройства, их обеспечивающие. Формы и правила общественных отношений, механизмы общественного контроля — тоже. Да и на собственной шкуре мы вроде бы уже успели убедиться, что частная собственность сама собой не создаёт ни конкурентного рынка, ни эффективных демократических институтов, она лишь позволяет обществу начать бороться за них.

Пора бы нам, наконец, понять, что без объединения людей в профсоюзы (реальные, а не те фиктивные, что мы сегодня имеем), без создания партий (не клубов по продвижению карьеристов к власти, а настоящих — с серьёзными программами и живыми связями в народе!), без прессы, свободной от чиновничьего и олигархического диктата, без выработки демократических традиций, без эффективного общественного мнения процветающую страну не построить!

Нынешняя убеждённость, что раз у нас появились богатые люди, значит, вслед за ними хлынут все блага демократического капитализма, ничуть не больше обоснована, чем прежняя надежда, что, отобрав у мужиков землю и согнав их в колхозы, можно добиться всеобщей сытости «от Кронштадта до Владивостока».

«Никто не даст нам избавленья» — ни Бог, ни Путин, ни Международный Валютный Фонд. И «освобожденья» своего от бесправия, нищеты, бандитизма и коррупции мы можем добиться исключительно собственной рукой. Как — это требует особого разговора,

непростых споров и решений. Но надо твёрдо усвоить — дорогу указывать есть смысл лишь тому, кто её ищет. Толковать же про её тупики и извивы тем, кто, радостно убрав скульптуру Дзержинского с Лубянской площади, снова норовит завалиться на печь и размышлять там о горькой судьбе «многострадальной отчизны», извините, уже не интересно.

Начал я этот разговор с трагической истории удачливого предпринимателя, потерявшего двоих сыновей. Корить человека за то, что он попал в беду, не гуманно. Но что обычно делает благополучный предприниматель на бескрайних просторах бывшего СССР до того, как попадает в беду? Пробует ли он соединить свои деньги, волю и организаторские таланты с деньгами, волею и талантами других представителей среднего класса? Класса, который при капитализме — единственная сила, реально способная стать организатором и гарантом процветания, законности, порядка, культуры и всего общественного здоровья вообще? Кто иной должен взять судьбу страны в свои руки и не позволять бандитам и политическим шарлатанам бессовестно грабить наши народы, растлевать, а то и прямо убивать наших детей?

В России новых собственников теперь пруд пруди. Но впечатление такое, что в большинстве каждый из них думает лишь о себе, о счёте в банке, о том, как ему «оттянуться» по полной программе где-нибудь на Кипре, а не о том, как обустроить страну, как внедрить в общественное сознание необходимость честности в делах, справедливости в судах, неподкупности во всех государственных системах. Существует расхожее убеждение, что капитализм основывается на эгоизме и индивидуализме, когда каждый сам за себя. Дикий капитализм, «киснущий кровью и грязью из всех своих пор», — безусловно. Но цивилизованное буржуазное общество при необходимости умеет сплачиваться во имя общих интересов, жертвовать личным ради общего, иметь сострадание к тем, кто в беде, делиться с теми, кто в нужде, защищать обиженных, давать отпор обнаглевшим уголовникам и чинушам...

Когда-то разложившаяся партийная верхушка с обычной своей бездарностью пыталась внедрить в сознание молодёжи «Моральный кодекс строителей коммунизма». Если так же бездарно отнестись сегодня к задачам «Морального кодекса строителей капитализма», то и результат может получиться аналогичный. Не дай-то Бог...

писатель.

www.writer.fio.ru

водительным трудом. Участники этого труда не получали зарплаты, но они достойно «расплатились» с заводом за «фрахт» корабля.

Такое коллективное «погружение в макаренковедение» позволило многим намного глубже проникнуть в суть «феномена Макаренко» и понять, что использовать элементы макаренковской системы, как это было распространено в клубах юных коммунаров и в макаренковских педагогических отрядах, — значит упрощать Макаренко.

Начавшиеся придирки комсомольских функционеров и желание некоторых активистов выслужиться перед начальством привели не только к расколу в коллективе ЭСПО, но и к глубокому кризису в движении педагогических отрядов. Слёты стали проводиться не регулярно, всё реже и реже, пока не прекратились, после чего в печати появились сообщения о том, что педагогические отряды как форма работы себя не оправдала.

О ДВИЖЕНИИ СЕМЕЙНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КЛУБОВ

В это время заявляет о себе движение семейно-педагогических клубов. Среди активистов этого движения была значительная часть тех, кто прошёл школу движения юных коммунаров, движения педагогических отрядов и, естественно, в жизнедеятельности семейно-педагогических клубов многое напоминало о движениях предшественниках. Больше всего о Макаренко напоминали массовые встречи этих клубов, особенно опыт организации межсемейных поселений в заброшенных деревнях, где межсемейные кооперативы занимались со своими и соседскими детьми сельскохозяйственным производительным трудом.

Интересен опыт одного такого московского межсемейного клуба, организованного милиционером Л.Б. Кононенко. Этому клубу удалось, договорившись с одним из лесхозов под Звенигородом, несколько лет на предоставленной лесхозом поляне проводить свои программы. Экологическую (уход за окружающим лесом), продовольственную (обеспечивать свои семьи овощами), воспитательную (родители трудились на своём коллективном огороде с детьми, воспитательные акции проводились тоже всем миром), оздоровительную (жизнь на природе, пища из свежих овощей, купания в реке). Эту поляну авторы начинания называли «Надеждой».

Этот почин мог бы стать культурным образцом для других семейно-педагогических клубов, для городских семей, которые не имели дач и которые хотели бы сообща питать и воспитывать своих детей. Но в стране начался «переход к рынку» и лесхоз засеял ту поляну ёлочками для продажи...

КОЕ-ЧТО О СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

В девяностые годы общественно-педагогическое движение разветвилось. Возродились скауты, вновь заявили о себе пионерские

объединения, коммунарские, педагогические отряды, семейно-педагогические клубы. Появилось и много новых течений.

В 1990 г. в русле движения организаторов «Творческого союза учителей» появилась новая общественная организация «Первая опытная станция по внешкольному воспитанию». Она была создана на базе детско-подросткового клуба «Ровесник», который с 1986 г. взялся за продолжение опыта организации работы с безнадзорными детьми, начатого клубом «Орион» и продолженного «Форпостом культуры» им. С.Т. Шацкого. За 17 лет удалось накопить большой опыт работы с категорией детей, которых А.С. Макаренко называл «серыми и сопливыми» и которых социологи считают аутсайдерами. Макаренко говорил, что на 500 детей всегда найдётся несколько таких, с кем никто не хочет водиться.

Опытная станция нашла пути привлечения таких детей в коллектив и средства их реабилитации. Это очень не простая «длительная игра», в которой дети, приняв участие в празднике подвижных игр (а их здесь провели уже 99), приходят в клуб и становятся на ступеньку под названием «игротека». Кто-то быстро, а кто-то лишь через годы замечает «завтрашнюю радость» и ощущает потребность посещать тот или иной клубный кружок (студию). Третьей «ступенькой» в движении по «перспективным линиям», «начертанным» руководителями станции, становится для подростка участие в детских организациях. Либо это «Алые паруса», либо отряд скаутов.

Посещение клуба и «шагание по ступенькам» — дело сугубо добровольное, но такая лесенка стала реальной поддержкой для многих юных «аутсайдеров». Некоторые из них уже вернулись из армии. Некоторые бывшие воспитанницы, ставшие мамами, приводят в клуб своих детей.

В клубе, к сожалению, нет производительного труда, но больше половины проведённых клубом массовых праздников проводили в порядке «социального за-

каза» со стороны управы района. Участие в подготовке и проведении этих праздников клубом как своего рода «артелью» позволило клубным коллективам «по коэффициенту их трудового участия» получать из средств сметы праздника определённую долю на приобретение инвентаря и материалов для своего повседневного творчества. Такой труд помог выжить клубным кружкам и студиям в эти трудные двенадцать лет. Среди них есть и студия компьютерной мультипликации, на оборудовании которой были изготовлены те мультимедийные пособия на компакт-дисках «Макаренко и современность», которые получили в подарок многие участники прошедшей в апреле Международной Макаренковской конференции.

К опыту Макаренко сегодня наиболее часто обращают взоры правоохранительные органы, «посткоммунары» и некоторые педагогические отряды. О блюстителях порядка и исправительных учреждениях говорить не будем — это к общественно-педагогическому движению имеет очень мало отношения. Об интересе к Макаренко в современных педагогических отрядах кое-что рассказала на Макаренковской конференции руководитель челябинского педагогического отряда «Луч» Е.М. Харланова.

Но хочется опять сказать о юных коммунарах. О коммунарах «на рубеже веков».

Те, кто знаком с историей Общественного педагогического движения и историей отношения в нём к наследию А.С. Макаренко, не удивляются тому, что в 2003 г. в Москве состоялся первый Всероссийский конкурс образовательных учреждений по организации детского производительного труда и что прошёл он одновременно с Международной Макаренковской конференцией, которую, заметим, инициировала и провела не РАО, а общественная организация. И что знаменательно, в «одной упряжке» со старейшим педагогическим журналом «Народное образование». ■

